

УДК 321.01

Алексей ГРОМЫКО

СТРУКТУРЫ СОПЕРНИЧЕСТВА И ОПЫТ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается современный научный дискурс, посвящённый “новой холодной войне”. Критическое отношение к этой концепции основано на анализе опыта классической холодной войны, её истоков, содержания и этапов. Феномен холодной войны и постбиполярный период истории помещаются в более широкие рамки переходных периодов (периодов “большой дестабилизации”) от одной модели международных отношений к другой. Исследуются возможные варианты новых структур соперничества между Россией и Западом от жёсткой конфронтации до мягких форм конкуренции. Среди ключевых факторов, влияющих на эти процессы, выделяется меняющаяся роль атомного оружия. Обосновывается, что наиболее приемлемой для международной безопасности и развития является стратегия конструктивного полицентризма с опорой на базовый принцип – соперничество как переплетение конкуренции и сотрудничества. Отдельное внимание уделено проблеме внешнеполитической субъектности Европейского союза и аргументации в пользу его стратегического партнёрства с Россией.

Ключевые слова: новая холодная война, структуры противостояния, ядерное оружие, большая дестабилизация, геополитика, конструктивный полицентризм, глобализация.

Начиная с прошлого десятилетия, а затем с новой силой в связи с событиями на Украине, в российских и зарубежных СМИ, экспертных кругах, в академических исследованиях международных отношений широко обсуждается вероятность “новой холодной войны”. Как никогда актуально и обращение к урокам истории классической холодной войны 1940-х – 1980-х гг. [Кременюк, 2015; Громыко, 2016; Громыко, 2016: 26-38. Максимычев, 2014; Урнов, 2014; Уткин, 2005; Согрин №6, 2015: 36-52, №1, 2016: 19-43]. Точки зрения разнятся от отрицания того факта, что холодная война когда-либо прекращалась, до неприятия самой возможности ведения такой войны на современном историческом этапе [Рогов, 2016: 354-384; Овчинский, Ларина (<http://izborsk-club.ru/content/articles/4224>); Edward Lucas, 2014; Andrew Monaghan, 2015].

© *Громыко Алексей Анатольевич* – д.полит.н., директор Института Европы РАН, председатель Координационного совета профессоров РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00095.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420160620>

Если согласиться с тем, что мы имеем дело не с иллюзорным, а реальным феноменом под общим названием “холодная война два точка ноль”, то тогда необходимо принять допущение, что её участники разработали (или разрабатывают) соответствующие стратегии, рассчитанные на многие годы вперёд, и имеется возможность выделять на это необходимые средства. Если считать, что попытки повторить историю непременно заканчиваются фарсом, то и тогда стоит задуматься над тем, насколько желание перемотать плёнку холодной войны назад может привести к вредоносным последствиям.

Актуализация истории холодной войны связана не только с текущими событиями в отношениях между Россией и Западом. В истории магия чисел имеет самодавяющее значение. В 2016 г. исполнилось 70 лет фултоновской речи У. Черчилля. В прошлом году этой дате предшествовал скорбный “юбилей” первых двух (и единственных на сегодня) примеров боевого применения атомного оружия в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. Через год историки будут вспоминать о послании Г. Трумэна конгрессу США, посвящённого противоборству с Советским Союзом в Турции и Греции. Позже будет много сказано об уроках Берлинского кризиса 1948 г., за которым последовало создание НАТО, ОВД и окончательная институционализация классической холодной войны.

“Вечные” друзья и “вечные” враги

Какие бы точки отсчёта для холодной войны ни выбирались, важно зафиксировать, что, в отличие от войн горячих, её начало не было одномоментным, как и завершение. И у обычных войн время их начала и порой даже окончания – достаточно условные единицы. Так, есть разные и аргументированные взгляды на то, в каком году началась Вторая мировая война. То, что запуск противостояния всех видов представляет собой процесс, цепочку событий, важно для понимания происходящего сегодня. Любой процесс разворачивается во времени, у него есть свои объективные и субъективные стороны, промежуточные этапы, развязки и точки невозврата. Отсюда следует, что неизбежности в истории сложных поведенческих систем нет.

Для выстраивания в середине XX века структур долговременного противостояния, получившего название “холодная война”, потребовалось несколько лет и череда кризисов. Так и сейчас, возобновление в том или ином виде холодной войны нуждалось бы в целом комплексе причин и следствий, которые в целом представляют собой процесс, растянувшийся во времени. Это означает, что в его рамках существует множество развилок, неизвестных и переменных, которые исключают какую-либо предопределённость. Другими словами, есть шансы и у противников нового витка противостояния, и у “рыцарей” “новой холодной войны”. Вероятно, что до момента, когда прояснится, кто из них взял верх, пройдёт ещё несколько лет. Это означает, что и тем, и другим необходимо действовать, чтобы склонить чашу весов истории на свою сторону.

Рассуждая об опасности повторения аналога холодной войны важно как не преувеличивать, так и не преуменьшать современные риски. Очевидно, что мир, как не раз в прошлом, объективно переживает период “большой дестабилизации”, а международные отношения находятся в транзите, переходя от одной модели к другой. История движется рывками, кроме того ей свойственна цикличность. Один из глав-

ных стимулов прогресса – соперничество, поиск и использование своих конкурентных преимуществ. Увы, большую часть истории человечества наиболее частым воплощением соперничества были войны, которые одновременно служили проводником технического прогресса. Атомная энергия, ракетные технологии, позволившие осваивать космос, интернет – лишь немногие примеры того, что в XX веке стали называть продукцией двойного назначения. В то же время две мировые войны показали, что вариант выяснения ведущих государств отношений с помощью грубой силы исчерпал себя. В результате технического прогресса цена такой разновидности соперничества стала неприемлемой.

Даже до изобретения атомной бомбы становилось всё более очевидным, что третьей мировой войны, с известными на весну 1945 г. конвенциональными средствами ведения военных действий, человечество вряд ли выдержит. Атомная бомба стала не столько водоразделом в представлениях о недопустимости “большой войны”, сколько закрепила, в первую очередь в Европе, осознание жизненной необходимости не допустить её повторения. Что касается ядерного оружия, то окончательное понимание неприемлемой цены его применения пропитало умы политиков и военных по обе стороны баррикад только в результате Карибского кризиса и последующего установления стратегического паритета между СССР и США.

Тем не менее, исключение ядерного оружия из арсенала нападения и его использование единственно в качестве сдерживающего фактора не отменило наступательности в смене структур соперничества великих держав. Конкуренция как движитель прогресса после отказа от “большой войны”, а затем и идеологического биполярного противостояния, стала принимать новые формы. События конца XX века показали, что расчёты на “законченность” истории идеалистичны и даже вредны. Ставка на полное доминирование лишь одной модели развития никогда не оправдывала себя. С этой точки зрения идея “столкновения цивилизаций”, какой бы спорной она ни была, возвращала в дискурс международных отношений плодотворный тезис о неравномерности мирового развития (другими словами, о “взлётах и падениях великих держав”). Последовавшая затем дискуссия о полицентричности стала воплощением стремления описать динамику нового соотношения сил, складывающегося на мировой арене в первой трети XXI столетия.

В рассуждениях об этих процессах уроки холодной войны, как специфической формы международного конфликта, крайне важны [Кременюк, 2015: 22]. Какая бы модель новой структурной конкуренции (по жёсткому или мягкому варианту) Россию и Запад ни ожидала, необходимо сохранить базовый принцип, выстраданный в 1940-е – 1980-е гг., – соперничество как переплетение конкуренции и сотрудничества. Этот баланс не должен исключать даже элементы союзничества, на которое сейчас, впервые после Второй мировой войны, обе стороны толкают грандиозные опасности, в первую очередь международного терроризма.

Конфликт между Россией и Западом является частью “большой дестабилизации”, которая охватила практически все регионы мира. Сохраняются фрагменты Ялтинско-Потсдамской системы, ставшие универсальными, в первую очередь ООН, и фрагменты системы однополярного мира, над которыми теперь надстраиваются этажи полицентризма. Исторически такие переходы всегда сопровождались всплесками насилия и противоборства. Однако это не означает, что продуктом такой дестабилизации должно стать закрепление стратегии враждебности и игры на подавление конкурента, рассчитанной на десятилетия вперёд. Намного рациональ-

нее – стремление к скорейшему выходу на компромиссные решения и механизмы взаимодействия, которые, не отменяя конкуренцию, даже жёсткую, не ставили бы под сомнение коренные национальные интересы сторон. Так было после Вестфальского мира, после Венского конгресса, после Кубинского кризиса.

Структуры конкуренции ошибочно приравнивать к структурам конфронтации. Лукавым аргументом адептов “новой холодной войны” является отсылка к “извечным” противоречиям между великими державами, в частности между Россией в различных её исторических ипостасях и западными странами (позже – “коллективным Западом”). В такой интерпретации история межгосударственных отношений сводится к одному варианту – конфронтации, хотя последняя – лишь одна из форм соперничества, которая не исключает возможности сотрудничества, совместного кризисного регулирования и даже по отдельным направлениям союзничества¹.

Прямолинейные рассуждения об “извечных” врагах и друзьях заводят в логические тупики и примитивизируют историю. Так, в недавнем прошлом в СССР и Китае считалось, что они – стратегические противники (бесповоротно и окончательно, как тогда казалось, после боёв из-за о. Даманский в 1969 г.). Хотя на предыдущем этапе их отношений коммунистический характер двух политических систем рассматривался как залог вечной дружбы. А думать согласно первому, а затем второму варианту в своё время и по порядку было аксиомой. Но история показала, что на поверку такие “аксиомы” – геополитические ловушки. Сегодня, говоря о стратегическом сотрудничестве Москвы и Пекина, необходимо помнить, каким маловероятным такой сценарий развития событий представлялся ещё 30 лет назад. (Не менее важно: что сегодня “естественно”, не обязательно будет вечным). “Запрограммированными” врагами длительное время рассматривались Франция и Германия, Германия и Польша, Япония и (Южная) Корея и многие другие страны. Когда-то воевали США и Великобритания.

Тезис о друзьях России имеет ещё одно стереотипное изложение: у России их, якобы, только два – армия и флот. Думается, что если у страны, кроме собственных вооружённых сил, отсутствуют союзники, постоянные партнёры или хотя бы временные попутчики, её внешняя политика должна быть признана провальной. И это не случай России, дипломатия которой все последние годы направляет системные усилия на выстраивание в ближнем и дальнем зарубежье дружеских, партнёрских, уважительных отношений с самыми разными государствами.

В рассуждениях о детерминантах истории есть, безусловно, доля истины. В конце концов, разница между переменной и детерминантой заключается в представлении о длительности отрезка времени, к которому применяются эти понятия. Действительно, могут складываться структуры противостояния, которые долгое время в том или ином виде сохраняются при переходе от одной модели междуна-

¹ Представления о том, что для России угроза с Запада (как и наоборот) принимает всё новые облики, питая некий замкнутый круг враждебности в отношениях между ними, перешло из общественного сознания и массовой культуры советского периода в нынешнее время. Так, в кинематографе удивительно похожи по своему посылу концовки произведений, разделённых эпохами: выдающаяся работа М. Ромма “Обыкновенный фашизм” (1965) и художественный фильм К. Шахназарова “Белый тигр” (2012). В первом случае звериный оскал фашизма превращается в оскал американского пехотинца; во втором – советский танкист уже после 9 мая 1945 года более тщательно, чем прежде, готовится к бою с недобитой угрозой с Запада.

родных отношений к другой. Так, соперничество довлело в отношениях между Россией и Британией и в XIX веке, и в XX, и теперь в XXI-ом. Отношения между Москвой и Вашингтоном также не смогли уйти от глубоко укоренившейся неприязни, несмотря на, казалось бы, принципиальное изменение международной среды на рубеже 1980-х – 1990-х гг. И такие случаи далеко не единичны. Их природа как минимум двояка.

Речь идёт или о крупных субъектах мировой политики с собственными геополитическими проектами и глобальными подходам и по ряду параметров с сопоставимыми ресурсами, или, напротив, об отношениях, для которых характерна большая асимметрия, когда малые страны опасаются доминирования “больших соседей”. Государства первой категории, как правило, располагаются на удалении друг от друга, например, Россия и США, Китай и США, второй категории – граничат друг с другом (Китай и Вьетнам, Россия и страны Прибалтики, США и Куба и т.д.). Фактор географической близости в большинстве случаев заставляет крупных игроков рано или поздно находить компромиссы и договариваться к взаимной выгоде. По этому пути пошли Франция и Германия, Россия и Китай. Судя по всему, склоняются к этой формуле Индия и Пакистан, Индия и Китай, тогда как Иран и Саудовская Аравия всё ещё делают ставку на конфронтацию в борьбе за региональное лидерство.

Таким образом, история показывает, насколько большой вес продолжает иметь фактор географического расположения и в эпоху гиперглобализации. Находясь на дальнем расстоянии друг от друга, крупные и во многом равновеликие игроки могут позволить себе длительное время находиться в состоянии жёсткого состязания, даже конфронтации, особенно, если их экономические взаимоотношения слабы. Но со второй половины XX века они больше не могут позволить себе следовать курсом полного подавления крупного противника, в первую очередь в военном смысле. По этой же причине у них нет достаточной мотивации для встраивания в кильватер своих соперников. Очевидно, что равновесие жёсткой конкуренции будет не менее характерной чертой XXI столетия, чем его предшественников.

Глобализация привнесла значительную новизну в то, как ведут себя в отношении друг друга ключевые мировые игроки. Она одновременно сузила их возможности, но и предложила дополнительный потенциал для навязывания своих интересов. С одной стороны, благодаря глобализации возникла полицентричная среда, сопротивляемость которой устремлениям к доминированию кого бы то ни было высока как никогда, даже по сравнению с биполярным миром. Тогда можно было преуспеть в постепенном экономическом удушении противника, несмотря на то, что он – сверхдержава, в том числе путём победы в гонке на эффективность модели развития (рынок против плана, коллективизм против индивидуализма). Теперь сверхдержав в прежнем смысле слова уже нет (у Соединённых Штатов сохраняются остаточные признаки сверхдержавности). Ушло в прошлое идеологизированное противостояние, искусственно снижавшее набор инструментов развития. Теперь любая страна за редким исключением (Северная Корея, несостоявшиеся государства) свободна экспериментировать с той или иной комбинацией рыночных, государственных, смешанных форм собственности и социально-экономических моделей, управленческих механизмов для максимизации своих конкурентных преимуществ. В то же время исчезновение мира сверхдержав и полицентричная среда не отменяют сохранения категории ключевых государств с тем или иным набором глобаль-

ной атрибутики (члены ядерного клуба, постоянные члены Совета Безопасности ООН и др.), которые составляют первый эшелон субъектов международных отношений XXI века.

С другой стороны, глобализация сопровождается появлением новейших технологий, в том числе кибернетических, возможностей глобальных коммуникаций, изолированных способов моделирования поведенческих ситуаций с помощью социальных сетей. Эти невиданные ранее инструменты продолжают питать надежды тех, кто считает, что полицентризм можно поставить в определённые управляемые рамки, сохранив в международных отношениях феномен сверхдержавности и единоличного лидерства. Но, надо полагать, эти надежды призрачны. Динамичность мировой системы не снижается, а растёт. В её основе – всё та же неравномерность развития, которая с новой силой проявляется уже не столько в межстрановых сравнениях (в этом полицентризм обнаруживает выравнивание уровней развития богатых и бедных стран), сколько в росте диспаритетов внутри как государств, так и региональных объединений. Пример Евросоюза показателен.

Отношения Вашингтона и Пекина представляют собой достаточную новацию – государства с резко отличающимися социальными системами, но глубоко взаимосвязанные друг с другом в экономической сфере. В определённой степени они являются противоположностью формулы взаимодействия Москвы и Пекина, где доминируют общие геополитические, но не экономические интересы, по крайней мере, на сегодня. Текущие события демонстрируют, что доминанта геополитики оказывается явно сильнее, чем общие экономические выгоды. Это наглядно показал режим санкций, введённых против России во вред в том числе их инициаторам.

Исходя из того же, можно предположить, что отношения Москвы и Пекина будут укрепляться по мере усиления экономической взаимозависимости в дополнение к ключевому фактору – во многом совпадающим стратегическим интересам в глобальной политике. Напротив, экономическая взаимосвязь Китая и США на фоне растущих геополитических противоречий может оказаться недостаточной, чтобы предотвратить дальнейшее усложнение их отношений. В этом же, очевидно, кроется и антипатия США к идее трансформации экономической мощи Евросоюза в политическую субъектность. Если ЕС превратится в автономного игрока на международной арене, обретёт собственное геополитическое видение и стратегию, то, по крайней мере, для его ведущих стран-членов фактор теснейшего переплетения экономик в североатлантическом регионе перестанет быть достаточным для безграничной унификации внешней политики западноевропейских столиц и Вашингтона. Недавно принятая Глобальная стратегия ЕС и результаты саммита НАТО в Варшаве только затрудняют ответ на вопрос, будет ли способна внешняя политика Евросоюза освободиться в обозримом будущем от удушающих объятий “старшего брата”.

“Заливочные формы” соперничества

И всё же, в чём сущностная причина того, что смена одной модели международных отношений другой не разрушает “заливочную форму” открытого или подспудного соперничества между отдельными субъектами мировой политики, например, между Россией и США или Британией, Китаем и США? Тезис о “взлёте и падении великих держав” в данном случае не работает, так как речь идёт о государст-

вах, чья значительная роль в международных делах остаётся константой на протяжении нескольких эпох.

Иное объяснение этого явления могло бы заключаться в том, что по мере перехода того или иного государства на глобальный уровень его экономические интересы приходят в столкновение с интересами другого глобального игрока, и этой ситуацией нельзя управлять иначе, как с помощью модели переменного соперничества – сотрудничества. Но тогда это не объясняет причин конфронтации между Россией и США, экономические интересы которых пересекаются слабо, как не объясняет в целом ровные и достаточно уважительные отношения между Вашингтоном и Пекином, огромные экономики которых, несмотря на значительное переплетение, всё больше конкурируют друг с другом.

Объяснять существование длительных структур противоборства идеологическими факторами, разницей политических систем и ценностей также не убедительно. Так, Россия за относительно короткий отрезок времени после распада Советского Союза прошла впечатляющий путь в своём политическом и социально-экономическом развитии. Но принципиально это не снизило к ней глубокой неприязни и недоверия со стороны США и их ближайших союзников. Напротив, сохранение в Китае монополии на власть одной партии и коммунистическая идеология не помешали взаимовыгодному развитию отношений между Пекином и Вашингтоном, Пекином и ЕС. Не убедительно объяснять ценностными различиями противоречия между Индией и Китаем или Индией и Пакистаном. Напротив, Евросоюз (и даже шире – большинство стран Совета Европы) и США рассматривают друг друга как ближайших союзников, несмотря на расхождение по ряду фундаментальных ценностных параметров, например: применение смертной казни, допустимый уровень насилия в обществе, в том числе приемлемость применения пыток государственным аппаратом, допустимый уровень социального неравенства и расовых противоречий и др.

Что же тогда лучше объясняет длительное существование “заливочных форм” соперничества? Думается, что это наличие отличного от других глобального видения и стратегии, определённого геополитического проекта, подкреплённого имеющимися или расчётными ресурсами. Одним из источников таких проектов могут служить “большие идеи”, общенациональные концепции развития, вдохновлявшие народы в те или иные периоды истории, например: “американская мечта”, “американская исключительность”, “Москва – Третий Рим”, “бремя белого человека”, “свобода, равенство, братство”, “американский фронт”, “православие, самодержавие, народность”, “жизненное пространство”, “пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, “шёлковый путь”. Крупные стратегии воплощались в экономическом чуде “азиатских драконов”, а затем Китая, частично – в понятии “евросфера” ЕС и др. Далеко не все из “больших идей” входят в противоречие друг с другом. Но когда тому или иному государству, руководствующемуся ими, сопутствует успех, и ему становятся тесны субрегиональные, а затем региональные рамки, то, выходя на глобальный уровень самоощущения, они входят во взаимодействие с похожими на себя. А дальше возможны варианты в зависимости от их истории, культуры, ресурсов и территориального расположения¹.

¹ См. также: [Кременюк, 2015: 63-64].

Часто можно услышать, что “большие идеи” изжили себя в XX веке, что главной национальной идеей должно стать повышение благосостояния населения и его безопасность, а не региональные или глобальные амбиции. Но представляется, что для подавляющего большинства национальных проектов это само собой разумеется. Речь идёт не о целях, а об инструментах их достижения. А для этого необходимо принять принципиальное решение – встраиваться в чужие геополитические проекты или создавать свои. Заблуждение делать вид, что ведущие мировые игроки не стремятся максимизировать свои конкурентные преимущества, даже за счёт ближайших союзников. Так, промышленный шпионаж – распространённое явление в истории отношений не только США и Китая, но Японии и США, западноевропейских стран и США.

После Второй мировой войны Япония, Германия, Франция, Британия и многие другие государства встроились или были встроены в западный глобальный проект во главе с Вашингтоном. Практически все на сегодня, кто пошёл по этому пути, – развитые и относительно благополучные государства, которые, бесспорно, материально от этого как минимум не проиграли. Но не надо забывать о том, что во всех случаях без исключения это был для них выбор не добровольный, а навязанный историей. Кто-то был повержен в войне, другие уже после её окончания потеряли свои империи и объективно не могли дальше конкурировать с новыми центрами силы. Управленческие классы бывших европейских и азиатских империй делали всё возможное, чтобы сохранить свои лидирующие позиции и никогда не отказались бы от них, имей они хоть какой-то шанс.

Ряд других стран, например Россия, Китай, Индия, по тем или иным причинам не потеряли возможности для сохранения и продвижения собственных геополитических проектов. Можно задать вопрос: почему им не пойти вслед за другими государствами – союзниками Вашингтона и не признать его первенство? Дело в упрямстве их политических элит, питающих себя иллюзиями былого или грядущего величия, или всё же речь идёт о защите национальных интересов? Вообразим себе чрезвычайно упрощённую ситуацию, когда Россия или Китай принимают решение принять правила игры, скажем, Соединённых Штатов и “коллективного Запада”.

Чтобы быть признанным своим, Москве (или Пекину) надо вступить в НАТО и (в случае России) по возможности в ЕС. Но даже если произвести тотальную люстрацию их политических классов или добровольную смену политических режимов, их заявки на вступление многие годы, если не никогда, не будут удовлетворены. Даже будучи одним из старейших членов НАТО, Турция десятилетиями не может войти в ЕС и, похоже, ей это не удастся. Не все союзники США входят в НАТО, например, Япония. Но вариант последней заключается в том, чтобы иметь ограниченные вооружённые силы, быть неядерным государством и разместить у себя на территории иностранные военные базы. Если даже закрыть глаза на все эти и массу других объективных препятствий и каким-то чудесным образом выполнить все условия для того, чтобы стать частью “коллективного Запада”, то встанет вопрос о функции России в дальнейшем геополитическом расширении и продвижении экономических интересов первого. Так, стань Россия союзником Запада, она окажется на “передовой” в его растущем противостоянии с Китаем; то же самое относится к Китаю в отношении России, стань он союзником Запада.

Напрашивается вывод, что ряд крупных международных игроков не имеют иной альтернативы, кроме как укреплять свои собственные позиции в качестве ав-

тономных центров силы и влияния. И дело не во враждебности к кому бы то ни было, а в слишком больших рисках, в рациональности расчётов относительно того, какую цену придётся заплатить за встраивание в чужой геополитический проект и какую роль придётся играть в чужой “шахматной партии”.

Конечно, обладание стратегическим мышлением или стремление иметь таковое ещё не является гарантией успеха. Помимо умения генерировать идеи, необходимо располагать не менее важной способностью – их реализовывать. Кроме того, реализация того или иного стратегического проекта может либо не удасться, либо в конечном счёте оказаться ошибочной или тупиковой. Поэтому необходимым ингредиентом стратегии является способность к адаптации, приспособлению к меняющимся условиям, в том числе умение признавать свои ошибки и корректировать свои действия. Для России на ближайшие годы и десятилетия большими национальными проектами будут освоение Арктики, евразийская интеграция, продолжение космических исследований и программ, участие в международных меганаучных проектах, “разворот на Восток”. Успешная реализация последнего неизбежно требует решения грандиозной задачи по развитию Сибири и Дальнего Востока, по созданию условий для направления вспять миграционных потоков из восточных регионов России в западные. В эту же парадигму укладывается идея переноса российской столицы в Сибирь (если не в буквальном смысле этого слова, то в виде передачи ряда столичных функций, например, Новосибирску). Хочется надеяться на то, что в число таких проектов войдёт возрождение авторитета и активная государственная поддержка фундаментальной академической науки.

США, Россия и Китай составляют ведущую тройку государств с глобальными амбициями и стремлением их реализовывать. Располагаемые ими для этого ресурсы сильно различаются, но по своему потенциалу эти игроки если не равновелики, то “по сумме” находятся в сопоставимых категориях. Например, именно эти три страны – мировые лидеры в сфере кибернетических технологий, единственные полноценные космические державы, обладатели наиболее передовых ВПК (здесь Пекин пока уступает Москве и Вашингтону), они занимают лидерские позиции в мировом спорте, обладают богатым культурным наследием. Они располагают сильной фундаментальной наукой, имеют в своём распоряжении одни из самых опытных в мире дипломатические и разведывательные службы. Эти государства, несмотря на различия в их политических системах, способны быстро концентрировать ресурсы для решения поставленных задач.

Ускользящая стратегия Евросоюза

Потенциал глобального игрока, которому ещё предстоит раскрыться в следующие десятилетия, есть у Индии. По ряду параметров к этой категории принадлежит и Европейский Союз. Но, если дальнейшее увеличение политического веса Дели в мировых делах дело времени, то однозначно прогнозировать то же самое в отношении ЕС не приходится. Как принято говорить уже не одно десятилетие, этот экономический гигант пока так и не превратился в политического тяжеловеса. Не ясно, сможет ли ему помочь обрести свою внешнеполитическую сущность новая Гло-

бальная стратегия¹. К сожалению, во многом она напоминает руководство по тактике. Например, по инерции последних лет “стратегия” продолжает продвигать недальновидную политику сдерживания России с вкраплением возможностей выборочного взаимодействия.

До сих пор в истории способность к региональным или глобальным стратегиям проявляли империи и позже (или параллельно с ними) национальные государства. Но успешность проекта “Европейский союз” всегда зависела от поддержания баланса между его наднациональной и межгосударственной опорами. Цель построения Соединённых Штатов Европы в качестве многонационального государства, федерации никогда не была бесспорным приоритетом национальных элит стран-членов ЕС, особенно после волн расширения в 1970–2000-е гг. Его дальнейшее развитие по пути многоскоростной интеграции, исходя из опыта последних лет, очевидно, но создание классической федерации вряд ли возможно, что убедительно продемонстрировал “брекзит”.

Другой вариант обретения политической субъектности ЕС – имперский. К настоящему времени сложился большой массив политологической литературы, посвящённой ЕС как империи². В основном она принадлежит к апологетическому направлению в отношении ЕС. Но и в этом случае не избежать решения следующей проблемы. Исходя из опыта истории, империи для поддержания своего мессианизма и по своей природе должны были постоянно расширяться, и вглубь и в ширь. Когда они теряли способность к этому или когда расширение приводило к перенапряжению их сил, начинался процесс (само)разрушения. Не является ли в таком случае феномен “усталости от расширения” ЕС и провал “политики соседства” началом его конца как империи, пусть даже и “неосредневековой”? И не проявление ли это истощенности его неоимперской стратегии?

Крушение проекта “Евросоюз” маловероятно хотя бы потому, что в его основе – не только идейная заданность декларации Р. Шумана и императив преамбулы Римского договора 1957 г. о “всё более тесном союзе европейских народов”, но прагматичная заинтересованность в едином рынке и в эффекте мультипликатора, который получают от интеграции малые и большие государства ЕС. Также играют роль опасения стран-членов по поводу внешних вызовов и угроз, масштаб которых для каждой из них в отдельности только вырастет, окажись они за бортом объединения. Наивность сторонников выхода Британии из ЕС ещё дорого обойдётся этому государству. В то же время можно прогнозировать, что “брекзит” приведёт скорее к усилению консолидации оставшихся 27 стран, чем к раскручиванию маховика центробежных сил. Однако и этот благоприятный для Брюсселя сценарий никак не продвигает идею о превращении ЕС в автономного геополитического игрока. Более того, доминирование в нём представлений о соподчинённости внешней политики

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016 (https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/about/eugs_review_web_4.pdf)

² См. например: Jan Zielonka. Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union. Oxford University Press, 2006. Agnieszka K. Cianciara. Withering Empire: European Union, the Crisis and the Eastern Peripheries. 8th Pan-European Conference on International Relations. One International Relations or Many? Multiple Worlds, Multiple Crises. Warsaw, 18-21 September 2013 ([http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/Cianciara Withering%20Empire%20European%20Union%20the%20Crisis%20and%20the%20Eastern%20Peripheries.pdf](http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/Cianciara%20Withering%20Empire%20European%20Union%20the%20Crisis%20and%20the%20Eastern%20Peripheries.pdf)).

европейских столиц интересам Вашингтона, отвлечение львиной доли их политических и материальных ресурсов на решение грозных внутренних проблем оставляет мало шансов на то, что в скором будущем ЕС окажется способен на реализацию новых “больших идей”. Но это не означает, что никогда¹.

Многое будет зависеть от политической воли лидеров и от эволюции партийно-политических систем стран-членов, в первую очередь в Париже, Берлине и Риме, в столицах Вишеградской четвёрки. Если рано или поздно будет всё же признано, что для ЕС идти по пути создания многонационального государства или расширения своей “неоимперии” бесперспективно, то тогда может обрести второе дыхание идея “Большой Европы” [Шмелёв, Громыко, 2014]. Именно она предстаёт альтернативой неразрешимым проблемам “ЕС-империи” или “ЕС – государства”. В данном случае приращение геополитической мощи Евросоюза произошло бы за счёт обоюдовыгодного стратегического партнёрства с Россией. Определённое движение по этому пути в прошлом уже было. Один из необходимых компонентов этого проекта – формирование общеевропейской системы безопасности. Покуда этого не происходит, политика ЕС продолжает оставаться фактором в потенциале раскручивания конфронтации с Россией вплоть до развёртывания “новой холодной войны”.

Факторы сдерживания и новые угрозы

Вернёмся к аргументу о том, что России “уготовано” перманентное противостояние с “коллективным Западом”. Необходимо подчеркнуть, что этот тезис вреден не потому, что он вполне справедливо указывает на известные случаи длительного структурного противостояния, сохраняющегося при переходе от одной эпохи к другой, и не потому, что он акцентирует внимание на соперничестве между Россией и США, Британией или какими-то другими отдельно взятыми странами. Логическая ущербность в том, что предполагается блоковая конфронтация с опорой на жёсткую силу и фактически гибридную войну. Такая парадигма мышления, закрепившись она вновь, до минимума сузит возможности взаимодействия и партнёрства, не говоря уже о ситуационном союзничестве.

Умозрительно уменьшение территории сотрудничества России и Запада по различным международным проблемам не обязательно должно быть неприемлемо, ведь “чужие проблемы – не мои проблемы”. Но дело в том, что большинство региональных и, тем более, глобальных рисков и вызовов – для них общие и без совместных усилий они с ними не справятся. Поэтому, надевая шоры конфронтации, соперники в конечном счёте ослабляют не только своих конкурентов, но и себя. Убедительное тому доказательство – увеличение в разы масштабов международного терроризма с начала 2000-тысячных годов на фоне соперничества региональных и глобальных игроков.

Парадоксально, но аргументом в пользу “новой холодной войны” может быть то, что она представляет собой механизм управления противостоянием, без которого конфронтация могла бы достичь уровня третьей мировой войны (оставим здесь в стороне публицистические изыски о том, что мир уже вступил на её путь). Но не холодная война, включая её регулирующую составляющую, в 1940–1980-е гг. предотвратила новую “мировую”, а создание атомного оружия в 1945 г., т.е. когда хо-

¹ Среди последних исследований внешней политики ЕС: [Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность, 2015].

лодная война ещё не началась. Именно оно в отношениях ядерных держав делает невозможным такой способ урегулирования конфликта, как война. Другими словами, не столько холодная война помогла предотвратить применение ядерного оружия, сколько последнее, среди прочего, не позволило ей перерасти в горячую. Так как ничто в обозримом будущем не предвещает отказ от “большой бомбы”, “новая холодная война” лишь усугубила бы проблематику контроля оружия массового уничтожения (ОМУ) и режима нераспространения.

Благодаря опыту Первой и Второй мировых войн Франция и Германия смогли вырваться из порочного круга насилия, сделав возможным успех западноевропейской интеграции. Со своей стороны, атомная бомба (и стратегический паритет) впервые в истории сделали бессмысленной войну между её обладателями. И холодная война здесь не причём. Напротив, её допущение по новому кругу пробивает брешь в иррациональности третьей мировой войны, так как увеличивает опасность локального, но резонансного столкновения, способного привести к неконтролируемой эскалации. Опасность последней хорошо известна по цепочке событий, положивших начало Первой мировой войне после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево. Позже опасными эпизодами в истории, при всех их различиях, стали Кубинский кризис, “бросок” российских войск в Приштину, уничтожение российского бомбардировщика турецким истребителем. Профессиональным моделированием не столь фантастической возможности перерастания “новой холодной войны” в ядерную стал фильм, фактически ситуационный анализ, снятый Би-би-си 2 под названием “Третья мировая война. В командном пункте”¹.

Помимо раздувания, а не снижения опасности военной эскалации, вызванной неконтролируемой цепочкой событий, техническим сбоем или человеческим фактором, “новая холодная война”, в которой вновь противостояли бы друг другу большинство официальных членов ядерного клуба, только затруднит удержание ядерного оружия исключительно в парадигме орудия сдерживания². Так, по мере прогресса в миниатюризации военных технологий, роста угроз международного терроризма увеличивается опасность доступа к ОМУ негосударственных структур и безответственных государств. Трудно просчитываемые риски связаны с кибернетическими технологиями, которые, оказавшись они в преступных руках, могут умножить шансы ядерной войны, не говоря уже об эскалации с помощью конвенционального оружия. Для решения этих проблем члены ядерного клуба должны находиться не в состоянии “новой холодной войны”, а активным образом сотрудничать. Однако пока они не только этого не делают, но сами нередко ведут себя безответственно. В отношении ОМУ это касается попыток ослабить принцип стратегического паритета, в первую очередь односторонними действиями в сфере ПРО. Что касается кибероружия, то на сегодня единственным известным случаем его применения в качестве акта необъявленной войны стала кибератака спецслужб США на Иран для выведения из строя центрифуг по обогащению урана³.

¹ BBC Two. World War Three. Inside the War Room.

² О современном положении в области ядерного сдерживания и о кризисе контроля над ядерным оружием см.: [Савельев, 2015, № 10: 30-39; Арбатов, 2015, № 5: 5-18].

³ James Belford. Commentary: the world's best cyber army does not belong to Russia. Reuters. 4 August 2016 (<http://www.reuters.com/article/us-election-intelligence-commentary-idUSKCN10F1H5>). См. также: [Васильев, Роговский, 2015].

* * *

Таким образом, у России и Запада есть все резоны, чтобы помочь миру покинуть зону “большой дестабилизации” на условиях конструктивного полицентризма, вместо того чтобы увеличивать её площадь с помощью опасного фарса “новой холодной войны”. Важнейшая задача ведущих мировых центров влияния – найти адекватный глобальным вызовам модус вивенди. Закрепление структурной конкуренции в виде “холодной войны два точка ноль” стало бы попыткой повторного использования отыгранного мышления.

Особые опасности миру несло бы такое закрепление на условиях враждебности, т.е. на условиях наихудшего варианта холодной войны – на сдерживание угрозой, жёсткую силу и фрагментарное сотрудничество. Другими словами – структурная конкуренция как вариация на тему холодной войны в период до Кубинского кризиса и до установления стратегического баланса в 1960–1970-е гг. Такой тип холодной войны, назовём его “жёсткий”, представляет собой не столько замороженный, сколько отложенный “горячий” конфликт. Его отложенность в противостоянии СССР и США зиждилась на плохо просчитываемых рисках обмена ядерными ударами даже при асимметричности стратегических арсеналов и в отсутствии военного паритета противников. Эта отложенность была почти “преодолена” в октябре 1962 г. Предотвратить катастрофу удалось благодаря здравомыслию двух конкретных людей – Н.С. Хрущёва и Дж. Кеннеди. Если будут воссозданы условия “жёсткой” холодной войны, т.е. когда соотношение стратегических сил станет восприниматься одной из сторон как явно асимметричное, а значит возникнет иллюзия возможности победить, кто может гарантировать, что здравый смысл в критический момент вновь возьмёт верх?

Что касается “мягкого” типа холодной войны по аналогии с детантом 1970-х годов, то он был возможен в уникальных условиях “паритетного” биполярного мира, который ушёл в прошлое с развалом Советского Союза и социалистического лагеря. Теоретически биполярность в первой половине XXI века имеет шансы вернуться, если помимо США второй стороной в её двухъядерной сердцевине сможет стать Китай во главе определённой группы стран-сателлитов. Сегодня мало что свидетельствует о том, что история пойдёт по этому пути. И одно из главных препятствий – отсутствие принципиально разных и мало зависящих друг от друга “миров”, наподобие социалистического и капиталистического в прошлом. Появление в последние годы элементов деглобализации, в случае закрепления этой тенденции, может перерасти в раскол мира по тем или иным признакам. Но пока экономики США и Китая представляют собой во многом тесно переплетённый механизм.

Крайне важно подчеркнуть, что, в конце концов, суть проблемы “новой холодной войны” глубже, чем неприемлемость возрождения любого из её известных типов. Ведь оправдывая допустимость перезапуска холодной войны в её “жёстком” или “мягком” варианте, можно просто сослаться на историю, указав, что прецедента перерастания её в большую горячую войну не было. Сослаться на то, что и сегодня существует стратегический паритет и две ведущие ядерные державы продолжают придерживаться доктрины “гарантированного взаимного уничтожения”. А значит не столь опасно снова поиграть в холодную войну.

Помимо всех иных контраргументов, порочность таких рассуждений состоит в том, что “большая бомба”, в отличие от 1940–1980-х гг., в былой степени уже не гарантирует мир от “большой”, и тем более от малых войн. Опасность сценариев

неконтролируемой эскалации возрастает. В условиях ослабления режима нераспространения, появления атомного оружия у плохо контролируемых государств, разработки новых высокоточных видов вооружений, разрушения согласованного в 1970-е гг. режима ПРО, усиления международного терроризма, в том числе на территории ядерных государств (в первую очередь Пакистана), быстрого развития кибернетических технологий и их милитаризации риски опасных конфликтов между великими державами – прямых или через втягивание в конфликты на периферии – приобретают новое качество.

В этой ситуации структурная конкуренция в виде “новой холодной войны” только потворствовала бы деструктивным процессам в международных отношениях. Структурная конкуренция на условиях конструктивного полицентризма, напротив, дала бы России и Западу возможность сообща снижать риски региональных и глобальных конфликтов, развивать в рамках допустимых и общепринятых правил свои конкурентные преимущества с упором на взаимодействие там, где это возможно, рационально и желательно, признавая при этом стратегические интересы друг друга там, где это очевидно.

Список литературы

- Арбатов А. (2015) Контроль над ядерным оружием: конец истории? // *Мировая экономика и международные отношения*, № 5, сс. 5–18.
- Васильев В.С., Роговский Е.А. (2015) Главный парадокс рыночной экономики, или финансовая война как новая “холодная война” // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 3 (543) март 2015.
- Громыко Ан.А. (2016) Уроки мировой политики. Порядок или правопорядок? М.: Нестор-История.
- Громыко Ан.А. (2016) Истоки и влияние холодной войны на мировую политику // *Современная Европа*. № 1, с. 26–38.
- Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. (2015) Под ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носов. М.: Весь Мир.
- Кременюк В.А. (2015) Уроки холодной войны. “Аспект Пресс”. М.: 2015.
- Максимычев И.Ф. (2014) Минное поле холодной войны: останется Европа “Малой” или станет “Большой”? В: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: Весь Мир.
- Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0. Доклад Изборскому клубу (<http://izborsk-club.ru/content/articles/4224>).
- Рогов С.М. (2016) США и Россия: новый вариант холодной войны? В: Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд. Аспект-Пресс. с. 354–384.
- Савельев А. (2015) Ядерное сдерживание в период конфронтации // *Мировая экономика и международные отношения*, № 10, с. 30–39.
- Согрин В.В. (2015) (2016) Динамика соперничества СССР и США в период “холодной войны”. 1945-1991 годы. // *Новая и новейшая история*. № 6, 2015, с. 36–52, № 1, 2016, с. 19–43.
- Урнов А.Ю. (2014) Внешняя политика СССР в годы холодной войны и “нового мышления”. М.: РФК имидж Лаб.
- Уткин А.И. (2005) Мировая холодная война. М.: ЭКСМО–Алгоритм.
- Шмелёв Н.П., Громыко Ал.А. (2014) Большая Европа – грядущая реальность или утопия? В: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдоров. М.: Весь Мир.

References

- Andrew Monaghan. A “New Cold War”? Abusing History, Misunderstanding Russia. Chatham House. Research Paper. May 2015.

Edward Lucas. *The New Cold War. Putin's Russia and the Threat to the West*. St Martin's Press, Third Edition, 2014.

Arbatov A. (2015) Kontrol' nad jadernym oruzhiem: konec istorii? // *Mirovaja jekono-mika i mezhdunarodnye otnoshenija*, № 5, ss. 5–18.

Vasil'ev V.S., Rogovskij E.A. (2015) Glavnyj paradoks rynochnoj jekonomiki, ili fi-nansovaja vojna kak novaja "holodnaja vojna" // *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'-tura*. 3 (543) mart 2015.

Gromyko An.A. (2016) Uroki mirovoj politiki. Porjadok ili pravoporjadok? M.: Nestor-Istorija.

Gromyko An.A. (2016) Istoki i vlijanie holodnoj vojny na miroviju politiku // *Sovremennaja Evropa*. № 1, s. 26–38.

Evropejskij sojuz v poiske global'noj roli: politika, jekonomika, bezopasnost'. (2015) Pod red. Al.A. Gromyko, M.G. Nosov. M.: Ves' Mir.

Kremenjuk V.A. (2015) Uroki holodnoj vojny. "Aspekt Press". M.: 2015.

Maksimychiev I.F. (2014) Minnoe pole holodnoj vojny: ostanetsja Evropa "Maloj" ili stanet "Bol'shoj"? V: *Bol'shaja Evropa. Idei, real'nost', perspektivy*. Pod red. Al.A. Gromyko, V.P. Fjodorova. M.: Ves' Mir.

Ovchinskij V., Larina E. *Holodnaja vojna 2.0. Doklad Izorskomu klubu* (<http://izorsk-club.ru/content/articles/4224>).

Rogov S.M. (2016) SShA i Rossija: novyj variant holodnoj vojny? V: *Politicheskaja nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitija*. Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoj. M.: Izd. Aspekt-Press. S. 354–384.

Savel'ev A. (2015) Jadernoe sderzhivanie v period konfrontacii // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, № 10, s. 30–39.

Sogrin V.V. (2015) (2016) Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v period "holodnoj vojny". 1945–1991 gody. // *Novaja i novejsaja istorija*. No 6, 2015, c. 36–52, No 1, 2016, c. 19–43.

Urnov A.Ju. (2014) Vneshnjaja politika SSSR v gody holodnoj vojny i "novogo myshle-nija". M.: RFK imidzh Lab.

Utkin A.I. (2005) *Mirovaja holodnaja vojna*. M.: JeKSMO–Algoritm.

Shmel'jov N.P., Gromyko Al.A. (2014) Bol'shaja Evropa – grjadushhaja real'nost' ili uto-pija? V: *Bol'shaja Evropa. Idei, real'nost', perspektivy*. Pod red. Al.A. Gromyko, V.P. Fjodorov. M.: Ves' Mir.

Structures of rivalry and lessons of history

Author. Gromyko Al.A., Doctor of Political Science, Director of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article is dedicated to the contemporary analytical discourse on a "new cold war". The critical attitude towards this concept is based on the analysis of Cold War history, its roots, content and evolution. The phenomenon of Cold War and the post-bipolar history are placed in the context of transition periods (periods of grand destabilization), which characterize transition from one model of international relations to the other. The author looks into variants of new structures of rivalry between Russia and the West ranging from rigid confrontation to soft forms of competition. Among key factors, influencing these processes, the role of nuclear weapons is pointed out. The thesis that constructive polycentrism as interaction between competition and partnership is the most favourable strategy for international security and development is substantiated. Special attention is paid to problems of political subjectivity of the European Union and to arguments for its strategic partnership with Russia.

Key words: new cold war, nuclear weapons, structures of rivalry, geopolitics, globalization, constructive polycentrism.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420160620>